СОВЕТСКАЯ ЛИТВА
г. Вильнюс

Антанас ВЕНЦЛОВА

Слово о Чюрлёнисе

Со дня смерти литовского композитора и художника Микалоюса-Константинаса Чюрлёниса (1875—1911) прошло пятьдесят лет. Его эпоха ушла в прошлое, ушла вместе со своими духовными чертами, столь отличными от нашей эпохи. Однако и сейчас нас восхищают и волнуют не только талантливые музыкальные произведения М.-К. Чюрлёниса, но и его большое (около 300 картин) художественное наследие, необычайно свежее, оригинальное, подчас противоречивое, полное трудно выразимого словами своеобразия, красочности и прелести, пронизанное музыкой, насыщенное напряженными исканиями и страстью.

По поводу художественного наследия М.-К. Чюрлёниса ведется давнишний спор, начавшийся еще при жизни художника. Для понимания и оценки Чюрлёниса-художника наиболее правильным было бы тесно связать его творчество с эпохой, в которую развивался его талант и создавались картины, то есть главным образом с периодом с 1904 по 1909 г.г. При этом надо иметь в виду наиболее значительные моменты в биографии Чюрлёниса, которые тоже формировали его как художника.

М.-К. Чюрлёнис родился в южной Литве, в Варене, и вырос в живописнейшей местности — Друскининкай. С малых лет он глубоко чувствовал красоту литовской природы, полную очарования и нежных красок, все ее разнообразные оттенки.

Природа родного края, несомненно, была первым глубоким и плодотворным источником, который щедро питал творчество Чюрлёниса, преломляясь и разливаясь в его душе в своеобразных, оригинальных формах.

Не меньшее впечатление, чем природа Литвы, на Чюрлёниса произвел Кавказ, который во всей своей красе и величии раскрылся перед ним позднее.

Мировоззрение Чюрлёниса формировалось в то время, когда молодежь Варшавы и Лейпцига увлекалась идеалистической философией Канта, Вундта и других философов-идеалистов. Он жадно читает В. Гюго, Г. Ибсена и Ф. Достоевского, Эдгара По и Л. Андреева. В это же время М.-К. Чюрлёнис все более примыкает к литовскому национальному движению, центром которого с 1904 года,— когда была разрешена ранее запрещенная царской властью литовская печать, — становилась древняя столица Литвы — Вильнюс. Ему близки произведения романтиков, рисующие героическое прошлое литовского народа — «Гражина» и «Конрад Валленрод» А. Мицкевича, «Маргер» Л. Кондратовича-Сырокомли, «Плач Витоля» Ю. Крашевского. К тому же органная музыка (отец его был органистом), звучные песни южных литовцев — дзуков, народные сказки и легенды — все это с малых лет близко чуткой душе Чюрлёниса (на тему легенды о Юрате и Кястутисе он даже мечтал написать оперу).

НАИБОЛЕЕ творчески плодотворный период в деятельности художника совпал с трагическим для литовской интеллигенции временем. После разгрома царской реакцией революции 1905 года, которой Чюрлёнис симпатизировал, среди интеллигенции усилился идейный и политический разброд, порой переходивший в ренегатство. В русской, польской и литовской литературе и искусстве растет влияние символизма и модернизма. Эти течения уводили от действительности в мир фантазии, не признавали за литературой и искусством какой бы то ни было общественной роли и подменяли реалистическое изображение действительности глубоко субъективными символами и аллегориями. Литовское профессиональное изобразительное искусство в то время еще только начинает развиваться, и на первых художественных выставках в Вильнюсе и Каунасе наша общественность знакомится с первыми картинами Чюрлёниса, в сильной мере отмеченными печатью эпохи и одновременно индивидуальностью художника.

Было бы неправильным отрицать воздействие на художественное творчество Чюрлёниса удушливой атмосферы общественного упадка, который так сказался и на творчестве многих художников других народов (русского, польского). Не находя вдохновения в суровой, жестокой действительности, взгляд Чюрлёниса все чаще обращался к миру фантазии. В произведениях его подчас глубоко отражался трагизм эпохи. Трагические, мрачные мотивы цикла «Похороны» (1904—1906) могли быть не только реминисценциями из творчества Эдгара По и Л. Андреева, но и образами, родившимися непосредственно из воспоминаний о 1905 годе и о последовавшей за ним реакции. Так или иначе, уже в этом цикле мы видим сюжет, глубоко пережитый художником и переданный не в реалистической, а в символической манере, окрашенной своеобразным талантом Чюрлёниса.

Безусловно, здесь найдется немало художественных параллелей и влияний, но мы ошиблись бы поставив вообще знак равенства между Чюрлёнисом и декадентами его времени. В картинах Чюрлёниса почти всюду прорывается светлая фантастика и оптимизм, сверкает живая и деятельная мысль.

«Я намерен все свои прежние и будущие работы посвятить Литве»,— пишет художник в одном из писем в 1906 году. Эти мысли в устах художника, выросшего в атмосфере польской и немецкой культуры, волнуют. Это—слова патриота, сказанные в такое время, когда литовское профессиональное изобразительное искусство только рождалось, когда литовский народ жил в тяжелых условиях, почти не имея возможностей для развития национальной культуры.

Если М.-К. Чюрлёнис был глубоко образованным музыкантом, отлично знавшим музыкальную проблематику прошлого, а также и своего времени и создавшим свои композиции не только с большим вдохновением, но и с глубоким техническим мастерством, то как живописец он был не столько подготовленным специалистом сколько интуитивным, чутким к красоте художником, который скорее ощущал, чем глубоко и теоретически знал технику изобразительного искусства. Правда, у него была возможность видеть накопленные в течение веков сокровища искусства в Праге, Дрездене, Нюрнберге, Вене и Мюнхене. Наряду с работами великих мастеров Чюрлёнис интересовался модернистами Штуком и Урбаном, Вольфгангом Мюллером, Ходлером, Пюви де Шаванном и другими. Теперь трудно установить, кому он тогда отдавал предпочтение и кто наряду с вышеупомянутыми мастерами особенно привлекал его.

Первые, известные нам картины Чюрлёнис написал, вероятно, в 1903 году. Позже в письмах мы все чаще находим упоминания о новых произведениях — обложках для книг, рисунках пером и тушью (письма 1904 года), а в письме брату Повиласу в конце апреля 1905 года он уже дает длинный перечень своих новых живописных работ, среди которых мы находим и такие, ныне широко известные, как триптих «Рекс», «Тишина», «Да будет» (цикл из 13 картин) и др. Интересно отметить, что о своем цикле «Да будет» в том же письме брату Чюрлёнис пишет: «Последний цикл не закончен, всю жизнь я намереваюсь писать его; конечно, несколько позже у меня будут и новые мысли. Это — сотворение мира, только не нашего, по библии, а какого-то другого мира — фантастического». (Очень серьезное замечание для тех, кто пытался истолковать этот цикл как нечто, связанное с библейской мистикой). Вообще, и в особенности в своих письмах М.-К. Чюрлёнис предстает перед нами как человек трезвого, светлого ума, широких интересов, бесконечно любящий жизнь и природу.

СО временем Чюрлёнис, обладавший душой большого художника, все более углубляется в литовские народные песни и народное искусство, находя в них твердую основу и для своего собственного творчества и для дальнейшего развития национального искусства. Он расширяет свой кругозор, изучая древнеиндийскую религию и философию, читая индийскую литературу — легенду о Нале и Дамаянти, Рамайяну, Рабиндраната Тагора. Он изучает философа Дж. Рескина, писателей О. Уайльда и Р. Киплинга, знакомится с творчеством графика О. Бердслея. Все это, без сомнения, не было последовательным самообразованием, но это позволяло соприкоснуться с новыми, ранее не знакомыми явлениями, которые пробуждали мысль и воображение, заставляли искать, а может быть, и спорить. (Уайльд, как и Бердслей, например, так и остались чуждыми М.-К. Чюрлёнису).

Естественно, что индийская мифология и философия, равно как и идеалистическая философия и творчество европейских модернистов, не могли не оказать на него одностороннего влияния: они формировали отрицательные стороны его мировоззрения и эстетики и зачастую определяли те пессимистические мотивы в его творчестве, которые, к счастью, довольно редки и свидетельствуют не о силе художника, а говорят об ограниченности его творческого метода.

В 1909 году Чюрлёнис, не сумевший материально обосноваться в Вильнюсе, не понятый здесь и как художник, переезжает в Петербург. М.-К. Чюрлёнис, попав в среду русских художников, становится их другом, участником художественных выставок и получает среди авторитетных искусствоведов того времени признание, как огромный, оригинальный талант. Увы, уже в 1911 году тяжелая болезнь преждевременно сводит в могилу едва дожившего до 36 лет выдающегося музыканта и художника.

* * *

ТВОРЧЕСТВО Чюрлёниса — яркая и самобытная страница в истории не только литовского, но и мирового изобразительного искусства.

Каждый, кто знакомится с художественным наследием Чюрлёниса, ощущает огромную силу его воздействия: его работы волнуют зрителя, будят воображение и мысль.

Редкий художник так чувствовал музыкальный ритм, его волнообразное движение, разнообразие и красоту музыкальных созвучий, как Чюрлёнис. Достаточно всмотреться в его «Сонату моря», чтобы понять, что это произведение напоено музыкальной гармонией: тихие и светлые гармонические сочетания в первой картине — Аллегро; пронизанная мягким, солнечным сиянием (воспоминания о потонувшем корабле, лежащем на ладони морского царя) вторая картина—Анданте, и вздымающийся огромной музыкальной волной Финал. У подножия волны мы видим маленькие кораблики, а на фоне — инициалы художника, как символ победы человека и творца над силами природы.

А какой спокойной, мечтательной музыкой веет от «Тишины»: лежит в море огромная скала, похожая на допотопного зверя, и тот словно всматривается двумя живыми глазами в вечную тишину окружающего!

Музыка как бы пронизывает всю живопись Чюрлёниса. Она выражена в многообразных созвучиях, слышится в грозных и ясных тонах его картин, в бесконечном изменении палитры музыкальных красок. Например, «Сотворение мира» («Да будет») — цикл из нескольких картин. Сначала перед нами возникает первобытная и грозная сила хаоса, звучащая приглушенной и суровой мелодией; постепенно из хаоса светлыми пятнами вздымаются планеты и солнце, над необъятными водами появляются вновь родившиеся светила,—и фантастические растения в светлых, зеленых, красноватых, поистине мелодических созвучиях медленно объемлют планету и звенят симфонией жизни и радости. В набросках ненаписанных картин этого цикла мы видим полчища допотопных зверей, устремляющихся вперед и стаи птиц в небесных просторах. Ни что бы мы ни смотрели—на «Сонату пирамид», полную красоты давно погибших цивилизаций, на «Сонату звезд» или на «Рекса» (эти картины возникли на почве занятий астрономией); на «Сказку королей» или на полные удивительного лиризма картины «Жертва», «Рай», «Жертвенник», «Знаки зодиака»,—всюду мы найдем выраженное чутко, с большим проникновением музыкальное начало, всегда полное разнообразия, тонкое, бесконечно богатое созвучиями и настроениями.

Великий гуманист, глубокий знаток искусства Ромен Роллан отметил свое отношение к живописи Чюрлёниса и к ее музыкальности впечатляющими словами:

«Трудно выразить, как взволнован я этим замечательным искусством, которое обогатило не только живопись, но и расширило наш кругозор в области полифонии и музыкальной ритмики. Каким плодотворным было бы развитие такого содержательного искусства в живописи широких пространств, монументальных фресок. Это — новый духовный континент, Христофором Колумбом которого стал Чюрлёнис».

ЧЮРЛЁНИС не принадлежал к тем художникам, которые в обычной для реалистов манере изображают повседневный быт, жанровые сцены. Даже к пейзажу в прямом смысле этого слова приближаются всего только несколько картин Чюрлёниса — «Райгродас», «Жемайтийские кресты», «Жемайтийское кладбище». Если вершиной реализма в литовской литературе можно считать творчество Донелайтиса и Жемайте, которые с огромным талантом рисовали в своих произведениях литовскую природу и быт, запечатлели картины жизни своего времени с таким проникновением и силой, таким сочным, в подлинном смысле этого слова могучим языком, что они останутся жить в веках, — то М. К. Чюрлёнис своим художественным творчеством гениально выражает другое явление нашего национального искусства — романтику, мечту, фантазию. Максим Горький, всегда высоко ценивший мастеров русского реалистического искусства, не только не отрицал романтизма Чюрлёниса, но, наоборот, подчеркивал его фантастику и музыкальность: «Да-с, сударь, быт, жанр и прочее — все это хорошо, — говорил он. — А где же мечта? Мечта где, фантазия где, я спрашиваю? Почему у нас нет Чурлёнисов? Ведь это же музыкальная живопись!».

Развивая свою мысль, М. Горький борется за то, чтобы и реалистическое искусство не отказывалось от того, чего так много в творчестве Чюрлёниса, — от его романтизма, пластичности, ритма, музыкальности. Он подчеркивает также, что творчество Чюрлёниса заставляет зрителя думать; в нем нет поверхностного, плоского, беспроблемного изображения действительности. «А что же...— говорил М. Горький, — разве романтике и места нет в реализме? Значит, пластика, ритм, музыкальность и тому подобное совсем не нужны реалистической живописи? Мне Чюрлёнис нравится тем, что он меня заставляет задумываться как литератора! Нда-с!».

Прежде всего — романтизм Чюрлёниса. Если мы под романтизмом будем понимать все то, что связано не с реальной, повседневной жизнью, а с мечтой, сказкой, фантазией, если мы вспомним, как Чюрлёнис любил прекрасную природу родного края, а также природу Кавказа и Карпат, вспомним, как он интересовался литовскими сказками, легендами и песнями, если поймем воздействие тех мыслителей и писателей, которых художник читал и которыми восхищался, если будем иметь в виду влияние на Чюрлёниса новых веяний в искусстве того времени, если, наконец, мы вспомним, как Чюрлёнис интересовался проблемами астрономии и древними цивилизациями, то многие вопросы тематики и проблематики его творчества станут ясными.

Смотрите на мои картины глазами человека из народа, которому не чужды сказки, легенды и песни страны, который природу чувствует, как нечто живое, вечно движущееся, фантастическое, который даже не всегда в состоянии отличать фантастику от действительности, — как бы говорит своим зрителям Чюрлёнис.

«Сказка королей», «Жертва» и «Рай», «Сказка о замке», «Жертвенник» и другие подобные произведения кажутся родившимися из наших народных легенд о стране счастья и красоты.

Литовские сказки, а может быть, изучение религии и легенд Индии породили «Сонату ужа», которая вылилась в жуткие видения с очень затемненным смыслом. В этом цикле действительно нет света и радости, которыми так богаты другие работы художника. От него веет страшным, гнетущим, темным настроением. Таким же настроением пронизан и цикл «Буря», в котором победа темной силы выражена в образе сломанного креста, и «Видение», от которого также веет мрачной символикой. И радует, что во всем остальном творчестве художника мы видим много жизнеутверждающего, много света, счастья, радости и настоящей красоты, тихой, приглушенной, почти никогда не выявляющейся крикливо и навязчиво, — именно такой спокойной красоты и полна природа Литвы.

Утверждать, что в художественных работах Чюрлёниса сплошь преобладают элементы национальной формы, было бы не совсем правильно. Тематика художника, вырывавшаяся иногда из круга столь характерных для него образов литовской природы и фольклора, диктовала отвлеченность формы, характерную для современных ему художников-модернистов других народов. Философские, отвлеченные темы в картинах «астрономической» (в «Сонате звезд», «Рекс») или «египетской» тематики в цикле «Соната пирамид», уже не говоря об упоминавшейся выше «Сонате ужа», уводили художника от национальной формы, а тем самым снижали оригинальность этих произведений, непосредственную теплоту выражения и силу впечатляемости.

ЧЮРЛЁНИС как художник — это редкое явление в истории литовского искусства. Он не имел предшественников и не оставил сколько-нибудь серьезных последователей. Однако Чюрлёнис — не беспочвенный художник. Корни его лучших произведений проникают в недра мироощущения литовского народа, которое особенно глубоко проявилось в фольклоре. Это — явление, связанное с эпохой и с романтическим направлением в искусстве в широком смысле этого слова.

Произведения Чюрлёниса сегодня, когда наше искусство ставит перед собой высокую цель — воспитывать человека эпохи коммунизма, остаются весьма ценным свидетельством глубокой творческой мысли и ее устремлений. Творчество Чюрлёниса—порождение определенной эпохи, с которою оно и завершается. Однако та красота, фантазия, та музыка, оптимизм, теплота и человечность, которыми оно дышит, близки и дороги и человеку нашей эпохи — это черты непреходящей значимости, черты, которые делают творчество Чюрлёниса бессмертным. Кроме того, это неповторимое проявление подлинно литовского национального искусства.

В творчестве Чюрлёниса бьется сердце человека, живет полет фантазии и ума, оно наполнено звуками и красками подлинной жизни. В этом и состоит тайна его неувядаемой жизненности, в этом — его великий человеческий смысл и ценность.